УДК 327.8

DOI 10.17506/articles.mobility.2018.218230

Джанаева Алтн Эрдниева,
аспирант факультета политологии
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
г. Москва,
E-mail: djanaeva-altn@ya.ru

Современный научный дискурс «мягкой силы» в зарубежной и отечественной литературе

Статья посвящена исследованию концепта «мягкой силы» и его месту в современной научной зарубежной и отечественной литературе. Автором была подробно изучена эволюция понятия «мягкая сила» в работах Джозефа Ная-младшего, предложившего использование данного неологизма в рамках теории международных отношений, начиная с ранней его статьи и заканчивая самой поздней. Было выявлено, что изначально «мягкая сила» представляла из себя расплывчатый теоретический концепт, который тем не менее снискал огромную популярность не только среди политологов, но и среди представителей смежных дисциплин. Также был проведен анализ работ зарубежных и российских авторов, выявлены основные направления, в рамках которых рассматривается и интерпретируется феномен «мягкой силы». Особое внимание в статье уделено рассмотрению альтернативных концепций несилового влияния, таких как «стратегический нарратив», «космополитичная сила», «валюта силы», разработанных англоязычными исследователями. В отечественном дискурсе акцент был сделан на сохранении и передаче на русский язык смысла и семантики неологизма «мягкая сила», поэтому были затронуты такие вопросы, как корректный перевод нововведенного термина и его понимание каждым отдельно взятым специалистом. Также было замечено, что в русскоязычном научном дискурсе термин был взят на вооружение довольно быстро, и оказал значительное воздействие на изучение механизма несилового влияния. Однако огромное развитие концепт «мягкой силы» получил в рамках такой дисциплины, как международные отношения и мировая политика, как это изначально и предполагалось. В целом, были сделаны выводы о том, что несмотря на обширную критику, полученную после выхода концепта

«мягкая сила» в свет, он продолжает пользоваться популярностью и прочно вошёл в научный лексикон отечественных и зарубежных учёных.

Ключевые слова:

мягкая сила, несиловое влияние, стратегический нарратив, космополитичная сила, валюта силы.

Что же подразумевает под собой «мягкая сила» и почему данная концепция стала так популярна во всём мире? Исследователи из самых разных отраслей занимаются изучением феномена «мягкой силы» и не всегда положительно рассматривают влияние самой концепции на современную науку. Скорее наоборот, почти всегда это конструктивный анализ, поскольку в современном глобальном мире и веке новейших технологий идея о несиловом влиянии одного объекта на другой просто обречена на успех.

Стоит отметить, что предложенная Наем идея о несиловом влиянии не является чем-то новым и уникальным. Азиатские исследователи вспоминают заветы древнекитайских философов, таких как Сунь-Цзы, Конфуций, Лао-Цзы, Мэн-Цзы, которые ещё многие тысячелетия назад писали о противопоставлении твёрдому и жёсткому мягкого и слабого, то есть речь идёт о именно о той самой способности «управлять своим врагом незаметно». Идея о «мягкой силе» содержалась в трудах таких западных мыслителей, как Гуго Гроций и Иммануил Кант, придерживавшихся недопустимости насилия в международных отношениях. Также влияние на развитие концепта «мягкой силы» оказала теория «молекулярной агрессии» Антонио Грамши. Непосредственно анализом категории «сила» в международных отношениях занимались такие исследователи, как С. Льюкс («Власть: радикальный взгляд», 1974), П. Бахрах и М. Барац («Два лица власти», 1962), К. Боулдинг («Three Faces of Power», 1989) и многие другие. Однако сам неологизм «мягкая сила» был предложен и популяризован в науке именно Джозефом Наем.

Впервые концепция «мягкой силы» появилась в статье Ная «Soft power», выпущенной в 1990 г. в американском журнале «Foreign Policy». Именно в ней автор впервые продемонстрировал миру термины «мягкая» и «жёсткая сила», а также пояснил, правда не совсем понятно, что он имеет под этим

в виду. Итак, первое определение, которое Джозеф Най дал, звучало следующим образом: «мягкая сила – это способность заставить своего партнера хотеть того же, что и ты» [Nye, 1990]. Позднее Най дал множество других определений, но в целом, его первые работы по данной тематике вызывают ощущение размытого и неопределенного концепта, что и послужило причиной критики теории «мягкой силы». В этом же году выходит его монография под названием «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power», которая на русский язык переведена как «Пределы лидерства: изменение природы американской мощи». В целом, и статья, и книга посвящены вопросу того, каким образом и какими путями США обеспечили своё глобальное доминирование в современном мире, сам Най подразумевает под этим культурно-информационным способом именно «мягкую силу». В рамках самой концепции автор выделил три основных источника «мягкой силы»: культурная привлекательность; идеология, провозглашаемая государством; правила и институты международных режимов [Nye, 1990].

Следующим этапом развития концепции «мягкой силы» самим автором можно считать выход в 2004 году новой книги под названием «Soft Power. The Means to Success in World Politics», на русский язык выпущенную как «Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике». Стоит отметить, что на момент выхода книги в России, научные круги ещё не пришли к согласию относительно правильного и корректного перевода термина «soft power» на русский язык, поэтому переводчик В.И. Супрун предложил свой вариант, на тот момент один из самых популярных. В книге Най проясняет оставшиеся непонятными моменты из прошлых трудов и дополняет концепцию новыми аспектами. Так, он выводит новые определения «мягкой силы» как «способность достигать желаемых результатов через свою привлекательность, а не через принуждение или деньги» и «мягкая сила» основывается на способности убеждать, а не принуждать; это значит, что другие хотят того же, чего хочешь ты, и в меньшей степени возникает необходимость использовать «морковки» и «палки» [Nye, 2004b, *здесь и далее перевод – А.Д.*]. Здесь же Най проясняет вопрос об источниках «мягкой силы». Он даёт классический треугольник ресурсов, из которых черпается потенциал «мягкой силы»: культура, политические ценности и внутренняя политика, внешняя политика. Най поясняет, что

«Мягкая сила страны основывается на трех источниках: ее культуре (в тех аспектах, которые привлекательны для других), ее политических ценностях (при условии, что государство их воплощает во внутренней и во внешней политике) и внешней политике (при условии, что другие считают ее законной и моральной)». В дальнейших работах исследователь придерживается именно таких формулировок и ссылается на свои первые научные труды по этой тематике. Например, в своей статье «Public Diplomacy and Soft Power» он отмечает, что публичная дипломатия является весьма эффективным инструментом внешней политики, если наполнять передаваемый ею смысл привлекательным и интересным содержанием для зарубежной аудитории, и только в этом случае публичную дипломатию можно считать успешной. Таким образом, для «мягкой силы» важно не только количество инструментов, в рамках которых её пытаются использовать, но и качественное содержание [Nye, 2008]. Также в статье «Think Again: Soft Power», которая была опубликована в 2006 году, Най ответил на вопрос по поводу того, можно ли считать экономическую мощь государства составной частью «мягкой силы». Автор однозначно ответил, что нельзя, тем самым опровергая один из мифов, сложившихся с момента выхода первой научной работы, посвященной этой теории. В этой статье он пояснил, что сама по себе экономическая мощь – это инструмент «жесткий» и грубый, но допустим, впечатление от экономического успеха отдельного государства может служить источником для развития несилового потенциала этой страны [Nye, 2006].

Отдельным направлением в развитии концепции «мягкой силы» является процесс и особенности формирования такого потенциала различными странами, но в первую очередь Соединенными Штатами Америки. Най уделяет особое внимание удержанию американским правительством лидирующих позиций в области несилового влияния в современном мире. В статье «Soft Power and American Foreign Policy» автор отмечает, что США, несомненно, добились выдающихся результатов в культурной и экономической сфере, что и обеспечило им текущее положение гегемона на международной арене. Как утверждает Най, Америка преуспела прежде всего как нация, и в его теории американского превосходства этот тезис является одним из основополагающих [Nye, 2004]. Однако исследователь обращает своё внимание и на другие государства, особенное внимание уделяя Китаю. В статье «Understanding

21st Century Power Shifts» Най пишет, что по своему имеющемуся потенциалу «мягкой силы» Китай не может соперничать с США, по крайней мере на момент выхода статьи. Главной проблемой, по мнению автора, является сама государственно-центричная модель государства, которая сводит на нет все возможности древней и богатой китайской культуры. Най глубоко убеждён в том, что несиловой потенциал Китая ограничен и неконкурентоспособен, несмотря на определённые успехи в организации международных мероприятий, таких как Олимпийские игры и Экспо [Nye, 2011]. В своей наиболее поздней статье под названием «China's Soft and Sharp Power» Най продолжает говорить о возможном потенциале «мягкого» влияния Китая, но анализируя его с точки зрения концепта «острой силы», которую он склонен рассматривать как разновидность «жесткой силы» [Nye, 2018].

В зарубежных академических кругах мнения о набирающей популярность концепции «мягкой силы» разошлись. Одни учёные начали яростно опровергать основные положения теории, другие на её основе создали собственные авторские концепции несилового влияния. Таким образом, большинство зарубежных исследований «мягкой силы» можно условно поделить на два лагеря: на критиков и на последователей.

К критикам относятся учёные школы неореализма, представляющие оппозицию всем неолиберальным исследованиям, к которым и относится концепция Джозефа Ная. Примером такой позиции по отношению к концепции «мягкой силы» является исследование Кристофера Лейна под названием «The Unbearable Lightness of Soft Power». В нем автор последовательно критикует «мягкую силу» как пустой концепт, который даже в теории не имеет никакой состоятельности, а уж на практике является неспособным на существование и деятельность. Лейн выступает именно с позиций неореализма, говоря о том, что неправильно предполагать, что притягательность, на силу и влияние которой активно ссылается Най, может каким-либо способом влиять на межгосударственные отношения. Государства, как пишет он, это не люди, которые могут влюбляться и чувствовать притяжение друг к другу. К тому же, Лейн обращает внимание на практическую реализацию «мягкой силы» и приходит к выводу, что Най преувеличивает роль общественного мнения при формировании внешней политики и вообще значительным образом упрощает механизм принятия государственного решения. В конечном

итоге Лейн приходит к выводу, что данный теоретический конструкт никакой пользы для науки не несёт и является типичным мифом либерализма [Layne, 2010].

Подобной позиции придерживаются многие другие исследователи, в частности, такие как Р. Бигон, А. Бохас, Р. Купер, Я. Меллисон, Э. Вилсон и многие другие. Несмотря на то, что все работы были написаны в разное время после выхода исследований Джозефа Наю, они так или иначе критикуют теоретическую непроработанность концепции, её противоречивость и отсутствие академической точности, абстрактность и размытость определений.

Также отдельно стоит выделить британского исследователя Инг Фаня, чья научная работа под названием «Soft Power: Power of Attraction or Confusion?» полностью посвящена критике и анализу концепции «мягкой силы». Здесь стоит отметить, что автор отказывает Наю в научной новизне самого конструкта, считая, что о важности несилового влияния говорили задолго до него, и в этом плане он ничего нового привнести не мог. Но при этом Инг Фан признаёт удачное изобретение неологизма и его успешное внедрение в научный лексикон. Главной причиной для критики, как заявляет исследователь, является тот факт, что Най не смог сформулировать точное и конкретное определение за всё время разработки концепции. Помимо этого, он обращает внимание на изменения в обосновании ресурсов «мягкой силы», о чём было замечено выше, когда в более ранних исследованиях Най называл в качестве источников не только культурную и идеологическую привлекательность, но и международные законы и институты, а в более поздних он называет конкретно три главных источника: культуру, политические ценности и внешнюю политику. Из этого Инг Фан приходит к выводу, что «мягкая сила» – культурная сила, ссылаясь на то, что политические ценности есть составная часть социальной культуры, а внешняя политика сама по себе ресурсной базой являться не может, поскольку опирается как на мягкие, так и на жёсткие инструменты [Fan, 2008].

Второй лагерь зарубежных исследователей «мягкой силы» представляет собой авторов, создавших авторские концепции несилового влияния на основе концепции, предложенной Джозефом Наем. Одной из таких предложенных теорий стал «стратегический нарратив» Л. Розель и её соавторов, призванный ответить новым сложившимся условиям миропорядка. Исходя из того, что стратегический нарратив для государ-

ства есть создание актуальной внешнеполитической стратегии, авторы предлагают считать его новой «мягкой силой», тем самым отказывая прежнему концепту в достоверном отображении существующей международной реальности [Roselle, Miskimmon, O'Loughlin, 2014]. Другой авторской концепцией, построенной на концепции «мягкой силы», стала концепция «космополитичной силы», предложенная американским исследователем Дж. Галларотти. Автор позиционирует свой концепт как нечто среднее между «мягкой» и «жесткой» силой, что позволит субъектам мировой политики наиболее полно раскрыть свой потенциал в связи с глобализацией. Главным тезисом в концепции выступил тезис необходимости постоянного пересмотра самой категории силы в зависимости от постоянно меняющегося международного контекста, особенно современного космополитичного мира [Gallarotti, 2011]. Также можно выделить концепцию А. Вавина, созданную им в 2009 году. Она характеризуется тем, что Вавин предлагает воспринимать «мягкую силу» через ещё одну категорию – «валюту силы». По его мнению, существует три универсальных валюты силы, пользоваться которыми может как силовое, так и несиловое влияние. Автор называет их: *Benignity* (Доброта), под которой подразумевается доброжелательное и позитивное поведение в рамках межгосударственных отношений и не только; *Brilliance* (Великолепие), которое обозначает успешность актора в различных сферах деятельности; *Beauty* (Красота), под которой понимается вся совокупность ценностей, идеалов и видений, представляющая актора в глазах мирового сообщества [Vuving, 2009].

Концепт «мягкой силы» в российском научном сообществе снискал такую же популярность, как и у себя на родине. Отечественные исследователи весьма критично отнеслись к новому конструкту, однако в последующие годы он прочно укоренился не только в статьях и монографиях, но также и в официальных документах РФ. Здесь следует отметить, что концепция прошла ряд интерпретаций и переосмыслений с точки зрения самых различных исследователей, начиная с филологов и заканчивая военными экспертами. Наиболее важные исследования сосредоточились в пространстве политической науки, где и наблюдается повышенный интерес к феномену «мягкой силы» и по сей день.

Одним из главных направлений в работах отечественных исследователей относительно концепции «мягкой силы»

является критика и анализ самой категории рядом крупнейших специалистов по международным отношениям. Так, одной из наиболее цитируемых работ по этому вопросу является «Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России» П.Б. Паршина, в которой автор подробно и многоаспектно исследует категорию «мягкой силы». Он отмечает, что сама категория «мягкой силы» носит метафоричный характер, что и породило целый ряд несостыковок и теоретических разногласий. Паршин предлагает развести наевское (узкое) и широкое понимание «мягкой силы», где под первым он понимает «притягательную силу различных ценностей, устойчиво ассоциируемых с некоторой страной», а под вторым – «способность достигать некоторой цели самому или через чье-либо посредство...» [Паршин, 2013, с. 17]. Собственное понимание концепции выражено в работах таких авторов, как О.Г. Леонова («сущность мягкой силы состоит в способности страны оказывать влияние на основе привлекательности, притягательности своего образа»), В.М. Алпатов («это механизм, с помощью которого её источник, непосредственно не вещая, заставляет свой объект просовывать голову в веревку»). И.А. Чихарев и О.В. Столетов предлагают разделение феномена силы относительно его применения в международных отношениях на четыре типа: «мягкая сила», «жесткая сила», «умная сила», «разумная сила» [Чихарев, Столетов, 2013].

Также стоит обратить внимание на тот факт, что отечественных исследователей особенно волновали инструменты «мягкой силы» и механизмы её деятельности. В рамках этого направления отдельно стоит выделить работу российских учёных С.К. Песцов и А.М. Бобыло «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта». Она представляет собой детальный разбор механизма «мягкой силы», а именно сам процесс («механизм конвертации») преобразования источников в определенное несиловое влияния актора на глобальном и региональном уровне. Авторы предлагают представлять сам процесс в виде номологической цепи: субъект, обладающий привлекательностью или имеющий ресурсы для таковой → способность этого субъекта менять предпочтения и поведения объектов → эффективное достижение своих целей субъектом. По мнению исследователей, механизм «мягкой силы» состоит из восьми обязательных элементов, а именно: источники, механизмы конвертации (технологии и технические средства), активы (свойства

ресурсов «мягкой силы»), инструменты (образ, имидж и присутствие), промежуточные эффекты (репутация и осведомлённость), механизм селекции, промежуточный и конечный результаты [Песцов, Бобыло, 2015].

Проблемой инструментария несилового влияния занималось обширное количество российских учёных. Среди них можно выделить А.П. Цыганкова, который указывал в качестве инструмента «мягкой силы» теорию международных отношений как науки, чья специфика может влиять на зарубежную политическую элиту и академические сообщества [Цыганков, 2013]. Стоит отметить таких исследователей, как А.В. Торкунов, М.М. Лебедева, Е.П. Панова, И.Г. Дежина, которые писали о науке и международных образовательных программах, как о потенциальном источнике «мягкого влияния». Помимо отдельных работ хотелось бы выделить вышедшую в 2015 году коллективную монографию под названием «Soft power. Мягкая сила. Мягкая власть», которая вобрала в себя междисциплинарные исследования «мягкой силы» отечественных учёных как в исторической ретроспективе (Ю.В. Ярмак, Е.Г. Борисова, П.Б. Паршин), так и с точки зрения семантики и лингвистики (А.В. Шевченко, В.М. Алпатов, В.М. Капицын).

Особое место в российском дискурсе «мягкой силы» занимает такой вид научно-исследовательских работ, как кандидатские и докторские диссертации, которые напрямую затрагивали и использовали теорию, предложенную Дж. Наем. Тематика таких исследований разнится и охватывает обширный круг актуальных проблем не только в рамках инструментария «мягкой силы» (В.В. Кутенев, В.Д. Агеева), но и развития национальных моделей несилового влияния и их значимости в современном мире (В.П. Панева, Г.Ю. Филимонов, Д.Б. Регзенова, А.В. Будаев, А.В. Михалев, О.В. Столетов, А.В. Бояркина и многие другие).

Подводя итоги, необходимо заметить, что предложенная Джозефом Наем-мл. концепция «мягкой силы» в самом первом её варианте являлась не совсем теорией: скорее, это были ранние теоретические выкладки о возможном виде несилового влияния. В этом смысле «мягкая сила» была ответом на все перемены, происходившие в конце XX века. Однако неологизм, предложенный Наем, упал в благодатную почву, и на его основе появилось множество исследований, с успехом разрабатывающих данную тематику. Концепция вызвала

резонанс в широких академических кругах, была заслуженно и не единожды раскритикована не только американскими экспертами, но и учёными со всего мира. Зарубежные исследования характеризуется не только критичными высказываниями в сторону абстрактности и размытости концепции «мягкой силы», но и предлагают авторские теории о современном понимании категории «сила». Отечественные же работы носят более практический характер, они направлены на анализ механизма «мягкой силы», её ресурсов и инструментов. Для российских учёных характерна междисциплинарность при изучении данной концепции, а также её теоретическое развитие в рамках отечественного академического сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Паршин П. 2013. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России / ИМИ МГИМО (У) МИД России, Центр глобальных проблем. М.: МГИМО-Ун-т. 37 с. (Аналит. докл.; вып. 1 (36), март 2013).

Песцов С.К., Бобыло А.М. 2015. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. История. № 2 (34). С. 108–114.

Цыганков А.П. 2013. Всесильно, ибо верно? «Мягкая сила» и теория международных отношений // Россия в глобальной политике. Т. 11, № 6. С. 26–36.

Чихарев И.А., Столетов О.В. 2013. К вопросу о соотношении стратегий «мягкой силы» и разумной силы в мировой политике // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12: Полит. науки. № 5. С. 26–43.

Fan Y. 2008. Soft Power: Power of Attraction or Confusion? // Place Branding and Public Diplomacy. Vol. 4, № 2. P. 147–158.

Gallarotti G. 2011. Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used [Электронный ресурс]. 52 p. (Division II Faculty Publications. Social Sciences; paper 57). URL: <https://wescholar.wesleyan.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1056&context=div2facpubs> (дата обращения: 15.08.2018).

Layne Ch. 2010. The Unbearable Lightness of Soft Power // Soft power and US foreign policy: theoretical, historical and contemporary perspectives / ed. by I. Parmar and M. Cox. London; New York: Routledge: Taylor & Francis Group. P. 51–83.

Nye J.S., Jr. 1990. Soft Power // Foreign Policy. Vol. 80. Autumn. P. 153–171.

Nye J.S., Jr. 2004. Soft Power and American Foreign Policy // Political Science Quarterly. Vol. 119, № 2. P. 255–270.

Nye J.S., Jr. 2004. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs. 192 p.

Nye J.S., Jr. 2006. Think Again: Soft Power [Электронный ресурс], Febr. 23, URL: <https://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/> (дата обращения: 10.09.2018).

Nye J.S., Jr. 2008. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 616: Public Diplomacy in a Changing World. P. 94–109.

Nye J.S., Jr. 2011. Understanding 21st Century Power Shifts [Электронный ресурс], June 24. URL: <http://www.europeanfinancialreview.com/?p=2743> (дата обращения: 23.03.2018).

Nye J.S., Jr. 2018. China's Soft and Sharp Power [Электронный ресурс], Jan. 4. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-soft-and-sharp-power-by-joseph-s-nye-2018-01> (дата обращения: 15.08.2018).

Roselle L., Miskimmon A., O'Loughlin B. 2014. Strategic Narrative: A New Means to Understand Soft Power // Media, War & Conflict. Vol. 7, iss. 1. P. 70–84. DOI: 10.1177/1750635213516696.

Vuving A.L. 2009. How Soft Power Works / American Political Science Association annual meeting. Toronto. 20 p.

References

Chikharev I.A., Stoletov O.V. K voprosu o sootnoshenii strategiy «myagkoy sily» i razumnoy sily v mirovoy politike [On the question of the relationship between the strategies of “soft power” and reasonable power in world politics], Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki, 2013, no. 5, pp. 26–43. (in Russ.).

Fan Y. Soft Power: Power of Attraction or Confusion?, Place Branding and Public Diplomacy, 2008, vol. 4, no. 2, pp. 147–158.

Gallarotti G. Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used, 2011, 52 p., Division II Faculty Publications. Social Sciences; paper 57, available at: <https://wescholar.wesleyan.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1056&context=div2facpubs> (accessed August 15, 2018).

Layne Ch. The Unbearable Lightness of Soft Power, I. Parmar and M. Cox (eds.) *Soft power and US foreign policy: theoretical, historical and contemporary perspectives*, London, New York, Routledge, Taylor & Francis Group, 2010, pp. 51–83.

Nye J.S., Jr. China's Soft and Sharp Power, Jan. 4, 2018, available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-soft-and-sharp-power-by-joseph-s--nye-2018-01> (accessed August 15, 2018).

Nye J.S., Jr. Public Diplomacy and Soft Power, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 616: *Public Diplomacy in a Changing World*, 2008, pp. 94–109.

Nye J.S., Jr. Soft Power and American Foreign Policy, *Political Science Quarterly*, 2004, vol. 119, no. 2, pp. 255–270.

Nye J.S., Jr. Soft Power, *Foreign Policy*, 1990, vol. 80, Autumn, pp. 153–171.

Nye J.S., Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics, New York, Public Affairs, 2004, 192 p.

Nye J.S., Jr. Think Again: Soft Power, Febr. 23, 2006, available at: <https://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/> (accessed September 10, 2018).

Nye J.S., Jr. Understanding 21st Century Power Shifts, June 24, 2011, available at: <http://www.europeanfinancialreview.com/?p=2743> (accessed March 23, 2018).

Parshin P. Problematika «myagkoy sily» vo vneshney politike Rossii [The problem of “soft power” in Russian foreign policy], Moscow, MGIMO-Universitet, 2013, 37 p. (*Analiticheskiy doklad*; iss. 1 (36), March 2013). (in Russ.).

Pestov S.K., Bobylo A.M. «Myagkaya sila» v mirovoy politike: problema operatsionalizatsii teoreticheskogo kontsepta [Soft power in world politics: the problem of the operationalization of the theoretical concept], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Istoriya”*, 2015, no. 2 (34), pp. 108–114. (in Russ.).

Roselle L., Miskimmon A., O’Loughlin B. Strategic Narrative: A New Means to Understand Soft Power, *Media, War & Conflict*, 2014, vol. 7, iss. 1, pp. 70–84. DOI: 10.1177/1750635213516696.

Tsygankov A.P. Vsesil’no, ibo verno? «Myagkaya sila» i teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy [Omnipotent, for right? “Soft power” and the theory of international relations], *Rossiya v global’noy politike*, 2013, vol. 11, no. 6, pp. 26–36. (in Russ.).

Vuving A.L. How Soft Power Works, American Political Science Association annual meeting, Toronto, 2009, 20 p.

Altin E. Dzhanayeva,

Post-graduate Student, Department of Political Science,
Lomonosov Moscow State University,

Moscow,

E-mail: djhanayeva-altin@ya.ru

Modern Scientific Discourse of “Soft Power” in Foreign and Domestic Literature

Abstract

The article is devoted to the study of the concept of “soft power” and its place in the modern scientific foreign and domestic literature. The author has studied in detail the evolution of the concept of “soft power” in the works of Joseph Nye Jr., who proposed the use of this neologism within the framework of the theory of international relations, starting with the earliest of his article and ending with the latest one. It was revealed that initially “soft power” was a vague theoretical concept, which nevertheless gained immense popularity not only among political scientists, but also among representatives of related disciplines. In addition, an analysis of the works of foreign and Russian authors carried out, the main directions identified, within which the phenomenon of “soft power” considered and interpreted. Special attention paid to the consideration of alternative concepts of non-force influence, such as “strategic narrative”, “cosmopolitan power”, “power currency”, developed by English-speaking researchers. In domestic discourse, emphasis placed on preserving and transmitting to Russian the meaning and semantics of neologism “soft power”, therefore, issues such as the correct translation of the new term and its understanding by each individual expert raised. It also noted that in the Russian-language scientific discourse the term was adopted rather quickly and had a significant impact on the study of the mechanism of non-force influence. However, the concept of “soft power” has received tremendous development within the framework of such a discipline as international relations and world politics, as it originally intended. In general, conclusions were made that, despite the extensive criticism received after the concept was published, “soft power” continues to enjoy popularity and has firmly entered the scientific lexicon of domestic and foreign scientists.

Keywords:

soft power, non-force influence, strategic narrative, cosmopolitan power, power currency.